



НСЕНИЯ АВГУСТ

Родилась в 1988 году в Калининграде. Окончила Белорусскую государственную академию музыки по классу фортепиано. Преподаватель Калининградского областного музыкального колледжа имени С.В. Рахманинова. Лауреат международных литературных конкурсов и фестивалей. Участник семинаров молодых писателей при поддержке Союза писателей Москвы. Обладательница премии «Вдохновение» (Калининград, 2021) и премии «Молодой Санкт-Петербург» (2022). Член Союза российских писателей. Живет в Калининграде.

* * *

Дед смотрит на меня с гранитной плиты,
говорит: «Это ты».

И лицо его светится, как икона.
Говорит: «Я ждал от тебя другого:
благополучия, стабильности и уюта,
выглаженного белья и подшитых юбок,
крепкой семьи, утомленных работой рук,
а не этого хаоса в душе и вокруг».

Дед смотрит с плиты, и глаза у него, как при жизни:
серая крошка гранитная с серебряными прожилками,
только солнце вокруг зрачка погасло давно.
Дед говорит: «Будь собой, третьего не дано,
только мать береги и отца тоже,
так, как сможешь,

так, как сумеешь, как должно в конце концов,
будь для детей и матерью и отцом,
я же смог, а значит, и ты подавно,
нет в том особой премудрости, только данность,
только принятие, только твоя любовь,
только Бог,

что связывает нас всех золотыми нитями,
царство его внутри тебя,
храм его внутри тебя, этот свет».
Дед умолкает, два муравьишки с век,
словно слезинки две его, вниз сбегают,
вливаются в муравьиные реки с гранитными берегами,
просачиваются под землю, немой ручей,
а я ухожу ни с чем.

* * *

Видишь, как я поднимаюсь из сорной травы,
видишь, как я прирастаю к земле беспокойной,
к этой земле, где как руки распахнуты рвы,
где прямо в сердце уходят их черные корни.

Это не я, это то, что во мне говорит,
то, что болит во мне, то, что не знает покоя,
видишь, как полнят ладони мои янтари
и поднимаются волны строка за строком?

Это не шторм, это слово вскипает внутри,
это не лес, это звук превращается в море,

это не я, это то, что во мне говорит,
что по природе своей и не может быть мною.

Множество солнц отражается в птичьем зрачке,
в нижней гортани органно вибрирует воздух,
это не рыба, а слово блестит на крючке,
и, не сорвавшись, мгновенно уходит под воду,

это не рыба, а рында, немой пилигрим,
видишь, язык ее ранен, язык ее грубый.
Это не я, это то, что во мне говорит
и разбивает до крови язык мой и губы.

* * *

С детства меня держали в рукавицах ежовых,
говорили: «Не лги себе, не бери чужого,
береги честь свою, как зеницу ока,
ходи прямо, а не вокруг да около»,

а я лгала, да как, и сама не помнила,
входила в огонь да выходила в полымя,
чужого не брала, но тянулась к вечному,
честь берегла до свадьбы, но с первым встречным.

В детстве меня повсюду водили за руку,
кормили вкусным обедом и плотным завтраком,
читали книжки, учили играть на рояле,
всё по десять раз повторяли,

а когда отпускали руку, терялась тотчас же,
была неумелой женой и плохой дочерью,
матерью бесхребетной, поэтом лапотным,
зато, когда на рояле играла, вокруг все плакали,

когда выходила на сцену, была живою,
не мамой, не дочерью, не женою,
а тем, кем я, верно, и быть должна.

В детстве мама была нежна,
отец строг, бабушка молода,
я была огонь, а затем вода,
теперь же земля, земляница,
и снова лежу в ежовых тех рукавицах.

* * *

О Музыка склянок и крынок,
ты мне помогаешь без слов
летать, оставаясь бескрылой,
и снова вставлять на крыло,

и быть чьей-то песней и эхом,
не вечным, но все-таки быть,
в нас есть только музыка эта,
звучащий божественный быт,

и то, что нисходит к нам свыше,
и всяческий низменный сор.
Мы – музыка, музыка, слышишь?
Мы звуки чужих голосов,

и в этом, и в будущем хоре
начала нам нет и конца,
мы с музыкой в мир этот входим,
мы с музыкой входим в сердца.

Разнятся сердечные ритмы,
и жизнь не всегда к нам добра,
но музыка снова творит нас
из звука, а не из ребра,

из света его и печали,
из холода и из тепла,
знай, в слове, что было в начале
вся музыка мира была,

вся музыка, но почему-то,
в каком ни была бы краю,
из всех мне дарованных музык
я тотчас твою узнаю.